

К 100-летию со дня рождения А. М. Горького

ПЕВЦУ РЕВОЛЮЦИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пресс-конференция для советских и иностранных журналистов

28 марта исполняется 100 лет со дня рождения Алексея Максимовича Горького. Эта дата будет широко отмечаться в Советском Союзе и зарубежных странах. Предстоящему юбилею была посвящена пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, состоявшаяся 14 марта. Ее организовал Всесоюзный комитет по проведению 100-летия со дня рождения великого художника.

Открыл пресс-конференцию заместитель председателя комитета, секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков. Ученые, писатели, литературоведы рассказали о той широкой подготовке, которая

ведется в связи с юбилеем. Директор Института мировой литературы имени А. М. Горького, доктор филологических наук Б. Л. Сучков посвятил свое выступление значению Горького в мировой литературе, его популярности в стране и за рубежом. Он подчеркнул, в частности, что Горький — один из наиболее читаемых писателей на земле, что произведения его переведены почти на все языки мира. Ученый рассказал о трудах института имени А. М. Горького.

Выступление доктора филологических наук А. И. Овчаренко было посвящено работе по подготовке первого полного академического собрания сочи-

нений А. М. Горького, в котором будет представлено творчество писателя во всем его многообразии. Доктор филологических наук Б. А. Бялик сообщил собравшимся о работах, раскрывающих творчество Горького, о готовящихся к изданию книгах, сборниках, учебных записках, и, в частности, о том, что большой коллектив ученых приступает к созданию научной биографии великого писателя. Заведующий музеем А. М. Горького — М. Б. Козьмин рассказал о многообразной деятельности музея, в котором собрано свыше 25 тысяч экспонатов, о новой готовящейся к открытию экспозиции.

28 марта в Кремлевском Дворце съездов состоится торжественное заседание, посвященное великому художнику слова. Торжественные вечера пройдут также во всех столицах союзных и автономных

республик, в областных и районных центрах, во многих городах страны.

25 марта в Институте мировой литературы откроется всесоюзная научная юбилейная сессия с участием зарубежных ученых. Повсеместно будут развернуты выставки, посвященные Горькому, состоятся премьеры и возобновятся прежние горьковские спектакли, пройдут фестивали кинофильмов, посвященных жизни и творчеству писателя, снятых по горьковским сюжетам.

Большие юбилейные торжества состоятся на родине писателя в городе Горьком.

В юбилейном году только центральными издательствами будут изданы произведения Горького 65 названий и книги о нем общим тиражом более пяти миллионов экземпляров. (Корр. ТАСС).

Москва.

В ГОРОДЕ есть театр, «красное здание очень занимательного архитектурного стиля», — писал Горький в марте 1896 года, характеризуя наиболее значительные приметы Самары.

Прошло с тех пор 70 лет, и по-прежнему над Волгой возвышается «красное здание», и стиль его все так же «занимателен». Современные архитекторы старательно сохранили причудливую роспись его фасада, и если бы Горький сегодня подошел к театру, он бы наверно удивился только одному: свежести и яркости окраски, тщательной отделанности каждой завитушки, каждого украшения.

А вот если бы он открыл тяжелую входную дверь...

В верхнем фойе Куйбышевского драматического театра организована выставка «Горький на нашей сцене». С 1901 го-

Передо мной первая театральная рецензия, написанная Максимом Горьким. 21 июля 1895 года новый фельетонист «Самарской газеты» Иегудил Хламида заговорил о театре.

Изо дня в день молодой журналист, осваивая новый для себя жанр, зло и едко писал о том, что уродует жизнь провинциального города. Конечно, тем приходилось выбирать с оглядкой на цензуру. Поэтому в поле зрения оказывались не основные проблемы бытия, а лишь различные особенности быта. Недаром фельетоны печатались под красноречивым постоянным заголовком: «Между прочим» (Мелочи, наброски и т. п.).

Иегудил Хламида писал о странном обычае вагонов конки — сходить с рельсов и часами простаивать на развездах, о пыльных самумах, превращаю-

мы находим много примеров «творчества» этих «монстров».

Один из них подвиген «весьма немного более, чем любая из декораций». Другой так поет, что зрители, осведомляясь друг у друга: «Это он поет?» Третья так одевается, чтобы публика могла оценить ее «очень крупные таланты». А по поводу игры этой актрисы во «Власти тьмы» говорится, что она «упорно шеголяла отсезанной», очевидно «потому, что не доверяла художественному вкусу графа Льва Николаевича».

Наконец, четвертый «открывает некоторое тайное единство во всех драматических героях, и они у него все похожи друг на друга, как опойковые сапоги».

Неустанную войну ведет Иегудил Хламида и против пошлости репертуара, против без-

Вечер ее бенефиса был хорошим вечером, таких вечеров наша труппа дает, к сожалению, мало.

На сцене билось в путях условий молодое, честное существо, жаждущее жизни и роковым образом принужденное погибнуть: оно страдало, и трепет его нервов сообщался публике.

Артистка плакала настоящими человеческими слезами, а не слезами ремесленницы, и это было понятно, отмечено и произвело свое действие. Впечатление от ее игры получилось цельное и глубокое.

А в другой раз Иегудил Хламида энергично противопоставляет образ Сезар де Базана «нашему серенькому меркантильному времени» и пишет:

«Сколько, однако, истинно хорошего и истинно рыцарского в этой оборванной фигуре бродяги-гранда».

Г. Сарматов — приятно сказать похвальное слово от души! — верно понял изображаемый им характер и провел роль дворянина-бродяги с искренним чувством и с таким огнем, какого до сей поры нам не приходилось замечать в его игре.

Удачи актеров заставили Горького задуматься и сказать о том, почему же так редко они радуют зрителя. Подчас он стал отказываться от фельетонной язвительности и переходить к серьезному обсуждению организации театрального дела.

«Играют много, артистов мало, тщательная работа над ролями невозможна — это приходится принять к сведению», — замечает он однажды. В другой раз он настойчиво вмешивается в споры о том, кому городской думе следует слать театр. Он энергично выступает против антрепренеров, подчиняющих искусство интересам своего кошелька. И в то же время ему очевидно, что иных антрепренеров не найдешь. Поэтому особенно горячо поддерживает он идею создания народного театра.

Когда клуб канцеляристов отказался предоставить свое помещение группе любителей, собиравшихся организовать народный театр, Горький мобилизовал всю свою иронию, чтобы показать бессмысленность и вредность такого решения.

Когда-то Хламида писал о театре: «Он плох, он из рук вон плох уже был и обещает быть еще хуже». Около года отдал Горький борьбе за то, чтобы этого не случилось, и судя по истории Самарского театра, его усилия не были вовсе бесполезными.

Фельетоны Иегудила Хламиды оказались действительны, немало помогли тому, что уже в начале XX века Самарский театр стал значительно культурнее, содержательнее, профессиональнее. Но у этих фельетонов есть и еще одно немаловажное значение.

Когда пьесы Горького уже шли с огромным успехом в Художественном театре, самарские обыватели недоуменно спрашивали друг друга: «Это тот самый? В разлетах? Иегудил Хламида? Нет, не может быть!».

А между тем за то недолгое время, когда Иегудил Хламида был постоянным театральным рецензентом, Горький пристрастился к театру, убедился в его общественном значении, полюбил его.

15 месяцев работы в «Самарской газете» были учебным периодом не только для прозаика, уже достаточно уверенно следовавшего свои первые шаги, но и для будущего великого драматурга.

Л. ФИНК.

Кандидат филологических наук.

ИЕГУДИЛ ХЛАМИДА — ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕЦЕНЗЕНТ

да здесь поставлено больше тридцати горьковских спектаклей. Среди них такие значительные, как «Егор Булычов» в постановке Н. Симонова и «Варвары» в постановке И. Ростовцева, «Последнее» в постановке П. Васильева, «Зыковы» в постановке Л. Теплякова.

Коллектив театра пропагандировал не только пьесы своего великого земляка. Здесь на сцену выходили и Павел Власов, и купцы Артамоновы, а сейчас режиссер П. Монастырский завершает работу над сценическим прочтением третьего горьковского романа «Фома Гордеев». Проходя вдоль стендов, мы видим, что в жизни многих ведущих актеров театра — З. Чекасовой, В. Красевой, Г. Шебуева, Н. Засухина встреча с Горьким сыграла особую роль, оказав самое плодотворное влияние на развитие всего их творчества.

Театр носит имя Горького, и это не формальная дань великому писателю, это характеристика творческих устремлений, художественного уровня, страстной заинтересованности в большом психологическом искусстве, в подлинной социальной правде.

Выставка ярко и убедительно свидетельствует, как серьезно и прочны связи Горького и театра. И тогда невольно задумаешься об одном обстоятельстве.

Жители современного Куйбышева привыкли видеть у входа в театр скульптурный бюст человека с умным, суровым взглядом, большим лбом и густой, развевающейся шевелюрой. И очень многим совсем неизвестно, что было время, когда этот высокий, плечистый, слегка сутулый человек сам входил в театр как его завсегдатый, как его строгий, заинтересованный и беспристрастный судья.

В фундаменте театральной культуры современного Куйбышева есть кирпичики, заложенные Горьким, который еще и не помышлял о драматургии. Об этом стоит благодарно вспомнить в канун столетия писателя. Правда, работа, которую он выполнял, была преимущественно работой критической, очистительной.

ших Самару в Сахару, о грубости и хулиганстве.

В этом ряду обличений дурных нравов и провинциального невежества оказался и первый отклик на дела театральные. Пожалуй, самое интересное в фельетоне за 21 июля — подход автора к совершенно новой для него теме.

Иегудил Хламида свой отзыв о спектакле основывает на суждениях об актерах и только об актерах, тем самым выбирая наиболее трудный из путей театрального критика.

Пишет он о «Фаусте» Гуно, видимо, поставленном из рук вон плохо. Поэтому стиль рецензента естественно сливается с обычной фельетонной манерой. Например, об артисте Дементьеве говорится: «Он надел Мefистofеля голосом престарелого бегемота, грацией голубого верблюда и получилась нечто адски невероятное, не возбуждавшее к себе ни малейшего интереса или доверия, ничего, кроме желания, чтобы этот Мefистofель скорее убирались в ад и больше никогда уж не вылезал оттуда...».

Так М. Горький уж с самого начала определяет одну из важнейших задач своих театральных рецензий. Борьба с фальшью, наигрышем и кривлянием, дурным ремесленничеством и безответственным дилетанством назолго становится для него главной темой. Он требует профессионального и честного отношения к искусству, требует, чтоб актеры не растворялись в невежественной массе провинциального мещанства, чтобы они помнили о своем общественном долге, о своей ответственности за высокие цели театра.

С гневом и раздражением он пишет о том, что самарская публика слишком поспешно и добродушно принимает за артистов «некоторых монстров», умеющих всего лишь «переряжаться в разнообразные костюмы» и «произносить разные слова». Все их способности сводятся только к тому, что они обладают смелостью, достаточной для того, чтобы изображать из себя артистов. В фельетонах Иегудила Хламиды

думных и бессодержательных пьес, призванных увеселять купцов и обывателей.

Третья мишень фельетониста «Самарской газеты» — сам законодатель этих вкусов, самарский толстосум. Он способен слоняться по коридорам во время спектакля «Коварство и любовь», жаловаться, что ему скучно, и даже зевать, и вдруг найти повод «весело смеяться в той сцене, где секретарь Вурм диктует письмо Луизе, в трагической и гнусной сцене жестокого издевательства».

Как-то в ужасе от сочетания всех этих пошлостей Иегудил Хламида коротко завершает свои раздумья melancholически грустным аккордом:

«Сегодня идет «Гамлет». Мне грустно. Несчастный принц! Бедный Шекспир!»

Год назад в Куйбышеве гастролировал Московский театр имени Маяковского. Тысячи зрителей восторженно принимали спектакль «Гамлет», в фойе громко спорили о Гамлете Смоктуновского и Гамлете Марцевича, зрители с интересом приняли талантливый дебют Г. Якиной в роли Офелии, а в одной из школ даже написали сочинение: «Душевное богатство Гамлета».

Так настоящий театр стал неотделим от духовной жизни современного зрителя, стал источником его радости, его собственного душевного богатства.

Иегудил Хламида тоже знал радостные минуты. Правда, это были редкие минуты, но все же малейший проблеск настоящего искусства заставлял его отказываться от обычного ядовитого и колкого тона. Максим Горький вдруг начинал писать восторженно, как-то даже гимнастически восторженно, и тогда становится понятно, как страстно и горячо любит он театр.

В свой бенефис госпожа Лодина — эта ясная звездочка нашей труппы — блестела ярче, чем всегда, и шумные овации публики были вполне заслуженными симпатичной артисткой.

Ей подарили кое-что, но она несравненно щедрее одарила зрителей своей горячей, продуманной и нервной игрой.